

ПРОСТРАНСТВА ИСТОРИИ

Л. П. РЕПИНА

ИСТОРИЯ РЕГИОНОВ, ИЛИ “ТЕРРИТОРИЯ ИСТОРИКА” ПОСЛЕ ПРОСТРАНСТВЕННОГО ПОВОРОТА

Пространственный поворот конца XX – начала XXI в. в истории и других гуманитарных науках существенно повлиял на обновление исследовательской проблематики и подходов, нацеленных на разностороннее понимание спатальных структур в обществах прошлого и современности. Все чаще и увереннее мир воспринимается как пространство взаимодействия в большом времени Истории. Обсуждению последствий пространственного поворота была посвящена Международная научная конференция «Пространства историй и истории пространств: метаморфозы восприятия, присвоение, созидание», которая состоялась в Институте международных отношений и мировой истории Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского в ноябре 2018 года. Эта тема стала главной в настоящем выпуске нашего «Диалога со временем». Развернутые тексты прозвучавших на конференции докладов, составили основу нескольких рубрик. В настоящей статье ставится вопрос о предметных полях и методологических трудностях различных версий глобальной, региональной и локальной истории, а также рассматривается роль некоторых пространственных метафор в историческом познании.

Ключевые слова: *спатальный поворот, пространство взаимодействия, глобальная и региональная история, пространство микроистории, “территория историка”*

Несмотря на очевидные различия, новации подхода «новых спатальных историй» могут быть резюмированы термином «мультиперспективистский». Именно этот подход становится преобладающим в переплетающихся исследовательских пространствах «транснациональной», «перекрестной», «связанной», «включенной» истории (*transnational, histoire croisée, connected history, entangled history*) и других аналогичных направлений, он помещает в фокус исследования объединяющие общества, культуры и цивилизации *взаимосвязи, циркуляции, взаимообмены и взаимовлияния*, выраженные через категории *сетей, потоков, медиаторов* и т.п.¹ Варианты перекрестного подхода и истории трансферов, направленные на демонстрацию того, что связывает народы и культуры, предлагают более тонкий анализ проблем транснационального и регионального уровня и расширяют возможности для понимания способов интеракций между локальным, региональным и глобальным².

Глобальная история в контексте осмысления исторического процесса мировой интеграции может быть представлена как результат столкновения множества различных траекторий развития, как истори-

¹ Подробно об этом см.: Репина 2017а.

² См.: Ионов 2012; 2014

ческое движение в форме живого взаимодействия региональных культур. Но было бы наивно составлять картину мировой истории, изучающей транснациональные феномены, как некий «пазл» из множества историй региональных. Описание приблизительно совпадающих в историческом времени и взаимно соотнесенных параллелизмов в истории различных обществ, оставляя в тени динамическую составляющую их развития, не решает всех проблем, если исходить из понимания глобальной/мировой истории как истории «интерактивных пространств»³. Такой подход не дает возможности понять взаимосвязи между событиями и процессами, которые разворачиваются в разных регистрах – локальном, региональном, национальном, трансрегиональном, континентальном, глобальном, а ведь на каждом этапе «динамика глобальной общности предстает как результат наложения и столкновения множества различных траекторий или ансамбль траекторий»⁴. Остается также неясным, как можно адекватно описать неравномерные, разнонаправленные и многослойные взаимодействия в традиционных формах исторического нарратива, с его линейной логикой последовательных событий и довольно жесткой темпоральной организацией.

Критика в адрес авторов, совершающих попытки объять необъятное в новых историях взаимосвязанного мира, имеет серьезные основания. И, пожалуй, обращение к более ограниченным – региональным или трансрегиональным – пространствам сулит немалые преимущества или, по меньшей мере, удобства презентации полученных результатов. В этой связи стоит также обратить внимание на характеристику, данную Ж. Ревелем пространственным категориям микроистории, в которой каждый исторический актер «участвует прямо или опосредованно в процессах разных масштабов и разных уровней, от самого локального до самого глобального и, следовательно, вписывается в их контексты»⁵.

Процессы регионализации, наблюдаемые в интеграции локальных сообществ в более широкие территориальные комплексы, но при сохранении культурных различий (как в рамках этих территориальных образований, так и между ними), привели к актуализации трансдисциплинарных региональных исследований. Одна из важных тенденций в их развитии – «размывание» сложившейся в Новое время и до сих пор формирующей нашу «ретроспективную оптику» концепции жестких административно-государственных границ, которая и сегодня явственно присутствует в таких терминах, как «субнациональный регион» и «транснациональный регион»⁶. Подобные ситуации возникают в связи с тем, что

³ См., особ.: Osterhammel, Petersson 2005.

⁴ Лубский 2009. С. 127.

⁵ Ревель 1996. С. 117.

⁶ См.: Smith, Wistrich 2007.

историки, постоянно используя пространственные категории, редко дают им строгие дефиниции.

Противоречивые дефиниции региональной истории и ее предмета отражают имеющиеся в современной науке различия в трактовках понятия «регион», прежде всего в отношении его пространственных масштабов (на основе географического критерия) или дифференциации исследуемых регионов на внутригосударственные и надгосударственные (на основе административного или геополитического критерия). В зависимости от приоритетов той или иной научной дисциплины в содержании «региона» акцентируются разные основания: экономисты определяют регион как хозяйственно-экономическую общность; географы – административно-территориальную единицу; историки-краеведы – историко-культурную область; культурологи рассматривают регион как культурно-цивилизационное пространство и т.д., при этом акцент в интерпретации понятия «регион» переносится на менталитет, образ мышления, традиции, мироощущение его обитателей⁷. Одна из наиболее осмысленных исследовательских моделей опирается на комплекс природных, экономических, культурных и других признаков, который может объединять несколько различных округов или существовать внутри одного из них, но, тем не менее, представляет собой определенную культурно-хозяйственную целостность на основе устойчивых связей, общих представлений, образа жизни, исторических традиций.

Споры возникают и по вопросу определения, а точнее – конструирования границ изучаемых регионов. Хотя в результате «культурного поворота», охватившего всю сферу социально-гуманитарного знания на исходе XX в., приоритет в регионально-исторических исследованиях все больше переходит от сферы экономики к культурной специфике региональных сообществ, последние и сегодня нередко определяются по территориально-административным границам и номинируются по названиям соответствующих округов или исторических областей, причем, как правило, ретроспективно используются нынешние границы, без учета их подвижности и изменчивой конфигурации. Трудность состоит в том, что понятия экономического, политического, культурного, информационного, ментального пространства, как правило, не являются четко локализованными. Историки зачастую убеждены, что «выбранные ими границы региона “естественны”, а не являются плодом их собственного или заимствованного у политиков пространственного воображения»⁸.

Главной темой спатильных исследований стал «ландшафт как продукт властных отношений» в пространственных конфигурациях разного масштаба – от локального до геополитического, но, наряду с этим,

⁷ Рыженко 2011. С. 338.

⁸ Миллер 2006. С. 16.

сегодня на передний план выходят исследования региональной идентичности и региональной культуры, в которых региональная идентичность (как и любая другая коллективная идентичность) понимается не как данность, а, прежде всего, как результат активности элит. «Регион» в этой исследовательской парадигме выступает не как нечто данное историку в готовом виде в качестве объекта изучения, а как то, что следует выявить. Здесь стоит уточнить, что речь все чаще идет не о территории, а именно о региональной идентичности (с учетом важной роли фактора миграций в ее становлении и трансформации) не только в пределах национальных государств, но и в регионах, «рассекающих» все ныне существующие административно-государственные границы (включая социальное пространство контактных зон и даже транснациональные региональные ассоциации)⁹. Понятия «региональной идентичности» и «региональной культуры» трактуются в широком диапазоне. Наиболее точным представляется определение Э. Ройля: региональная культура – это «постоянно изменяющаяся культура, с глубокими корнями в прошлом и связями с природным окружением, но поддающаяся обновлению и изобретению традиций в настоящем»¹⁰.

А. Мегилл поставил вопрос о формах региональной истории, исходя из двух разных значений слова «регион». С одной стороны, «региональная история» берет в качестве объекта территорию внутри национального государства («региональная история первого типа»), с другой – иногда в качестве объекта региональной истории выступает территория, выходящая за пределы какой-либо суверенной целостности («региональная история второго типа»). Получается, что «региональная история первого типа» существует между полюсами национальной истории и локальной истории, а «региональная история второго типа» – между полюсами национальной и мировой истории. Если регион определяется как «сообщество людей в пространстве, отличном от локального, национально-государственного и глобального», то региональная история – как «история, в которой национальные государства и их четко очерченные границы играют второстепенную роль или отсутствуют вовсе»¹¹.

⁹ См., напр.: Pollard 1997.

¹⁰ Issues of Regional Identity... P. 10. В книге «Повестка дня для региональной истории» специально исследуются вопросы формирования региональных идентичностей (на материале различных регионов Европы), рассматриваются такие общие проблемы, как: «регион и пространство», «регион и империя», «регион и политика», «регион и город», «регион и культура». – An Agenda for Regional History... 2007.

¹¹ Мегилл 2010. С. 42-58. По убеждению Мегилла, региональная история как жанр историографии привлекает многих исследователей «из-за своей способности эффективно работать против категорий “национальной” и “мировой” истории, которые тесно связаны с представлением о том, что во всем мире существует некий единственный, доминирующий процесс человеческого развития». – Megill 2009. P. 13.

Обращаясь к активно развивающейся методологии «новой региональной истории», необходимо отметить, что ее мультиперспективная модель включает, наряду с пространственным измерением, измерение темпоральное – долговременную динамическую составляющую. Достаточно вспомнить акторно-сетевой принцип, который лег в основу построения концепции системы «культурных регионов» в пограничных областях, а также соответствующую модель исследования, направленную на выявление локальных, региональных, межрегиональных социальных сетей и раскрытие конкретного содержания осуществляемых в них взаимодействий и выходов в транснациональное пространство. Но региональная история сегодня рассматривается и с применением концепций «ментального пространства» и «воображаемых сообществ», а также в парадигме «истории памяти» и в плане «изобретения» региональных идентичностей. Однако нельзя не заметить, что без серьезной методологической проработки акцент на проблематику исторической памяти в новейших региональных исследованиях нередко оказывается не просто малопродуктивным, но откровенно манипулятивным. Эта тенденция в ее крайнем выражении была проанализирована В.А. Шнирельманом, который предложил развернутую типологию «пропитанных этноцентризмом идеологических конструкций» в дискурсах, развиваемых в конце 1990-х – 2000-е гг. в разных регионах России с опорой на комплекс разнообразных мифологем, включая миф о «прародине», где «прародина отождествляется со своим регионом, получающим, тем самым, престижный статус «материнской территории», способный подкрепить определенные политические претензии, а также миф о происхождении государства, изображающий регион священной землей, где надо искать истоки государственности¹². Таким образом, версии исторического развития регионов и репрезентации этого развития «связаны с символическим освоением исторического времени и пространства»¹³. Речь идет о «стремлении сохранить за собой территорию символическими способами», наполняя ее соответствующими символами.

В той же плоскости может быть рассмотрена и история пограничных областей или так называемых контактных зон¹⁴. Нет недостатка в политико-идеологических и морально-этических аргументах относительно значимости изучения пограничных зон, представляющих неоднозначный, а зачастую конфликтный опыт совместного существования

¹² См.: Шнирельман 2008. С. 9-10.

¹³ Там же. С. 26.

¹⁴ Так, например, Д.В. Сень констатировал, что «региональный подход, зачастую приводящий к этнизации местной истории, становится все менее научно состоятельным на фоне возрастающей политической значимости национализма и регионализма» и может послужить «лишним горячим основанием для разжигания новых “войн памяти”». См.: Сень 2006. С. 380-381, 386.

разных этнокультурных групп, для «воспитания в духе сотрудничества, синкретизма и интеграции» и «в интересах взаимопонимания»¹⁵. Однако приходится констатировать, что, несмотря на все возрастающий интерес исследователей к феномену кросс-культурного взаимодействия, как научные проблемы (прежде всего теоретические), так и те перспективы, которые открываются в истории пограничных регионов (*borderland history*) и так называемых *контактных зон*, до сих пор остаются слабо эксплицированными¹⁶. А ведь именно в таких регионах «переплетаются» исторические судьбы взаимодействующих народов, искусственно разделяемые в противоречащих друг другу историографических традициях, именно в таких социальных пространствах интенсивных коммуникаций происходит формирование новых идентичностей¹⁷.

Если оставить в стороне крайние проявления идеологии регионализма и «этнизации прошлого» и вновь обратиться к научной парадигме локально-региональных исторических исследований, то стоит, видимо, подчеркнуть, что она имеет противоположную направленность, развиваясь как антидот от «национализации прошлого» в духе национально-государственной историографии, ориентированной на задачи государственного строительства. Перспективы региональной истории в ее социокультурном наполнении формируют исследовательскую модель, в которой приоритет отдается изучению динамики межкультурных интеракций, включая историческую ретроспективу культурных коммуникаций в изучаемом регионе.

В целом, в научных программах локально-региональной истории превалирует контекстуальное мышление, которое во многом определяет лицо современной историографии. В такой интеллектуальной атмосфере эффективное междисциплинарное сотрудничество может быть построено на разделяемой всеми его сторонами теоретической установке – приоритете социокультурного измерения и признании активной роли человека как в формировании окружающей среды и пространства регионов, так и в создании структур идентичности (в процессе выстраивания «образа себя» и «образа Другого»). В связи с процессом регионализации, который является непосредственной реакцией на глобализационные процессы, актуальной задачей стала разработка проблемы межкультурного диалога вообще и, разумеется, диалога культур в его историческом измерении, в котором различные сценарии взаимодействия могут быть рассмотрены сквозь призму понимания «своего» и «чужого» прошлого, раздельной и совместной истории.

¹⁵ См., напр.: Коткин 2000. С. 16-20.

¹⁶ Hurd 2006. О концептуальных проблемах и задачах «истории пограничья» см. также: Мегилл 2008. С. 212-214.

¹⁷ Подробнее об этом см.: Megill 2009. См. также: Джонсон, Коулман 2012.

Одна из интереснейших тенденций глобальной, «новой мировой» и «трансрегиональной истории», направленных на преодоление доминирующих национально-государственных нарративов, связана с «новой историей империй»¹⁸, рассматривающей империю как сложные структуры в сравнительной перспективе и в режиме большой длительности, причем ее наиболее перспективные направления являются регионально-ориентированными. Следует признать конструктивную роль историописателей, как и географов (с их категориями «символической географии»), в процессах «присвоения» империей пространства.

С новым воплощением «наднациональной» имперской истории связывают большие надежды¹⁹, хотя в настоящее время ее предметное поле и методы остаются недостаточно определенными. Важно, однако, другое. Как подчеркивает британский историк Линда Колли: «Вся суть, привлекательность, значение и вызов имперской истории состоит в том, что, не будучи идентична глобальной истории, она подступает к ней предельно близко»²⁰. При этом в задачу историка входит идентификация и исследование множества разнообразных взаимосвязей между отдельными секторами и различными регионами и народами внутри целостной интерактивной системы – «мира империи».

В сетевой модели «новой истории империй» необходимо учитывать как реальные, так и виртуальные взаимодействия, которые носят дифференцирующий и конфликтогенный характер на базе противопоставления «свой»/«чужой»; они поддерживаются и актуализируются на основе акцентирования культурных различий и подчеркивания собственных достоинств, ценностей, традиций. Вопрос в том, как пишется история – как история противостояния и конфликтов или как взаимно соотнесенная история их преодоления, история сближения и единства.

Поскольку в поддержании и «переформатировании» коллективной идентичности чрезвычайно велика роль, которую играют имеющие глубокие корни традиции, возникает потребность в анализе не только исторических мифов, формирующих основу региональной идентичности, но также их использования или отторжения в конкурирующих нарративах, закрепляющих в коллективной памяти эмоционально окрашенные исторические символы и знаковые события, во многом определяющие и восприятие всех последующих событий, а также ценностное отношение к ним. Но мифологические нарративы осуществляют свои идентификационные функции и в других пространственных измерениях. Например,

¹⁸ Подробно об этом см.: Репина 2017б. С. 149-158. Британские «новые имперские истории» были уже в 2000-х гг. предметно представлены даже в пособиях для студентов. См., напр.: *The New Imperial Histories Reader*. 2009.

¹⁹ Hopkins 1999.

²⁰ Colley 2004. P. 133-134.

в региональном нарративе идентичности воспроизводятся представления о прошлом, транслируемые продуктами краеведческой деятельности разных эпох и учебной литературой по истории края. Целостность информационно-коммуникативного пространства, задающего границы обмена информацией является важным фактором формирования региональной идентичности²¹. Изменения условий жизни в регионе, его места в системе межрегиональных связей могут стимулировать создание новых версий прошлого и новой региональной идентичности.

Научное историческое знание также может выступать основой для формирования культурно-исторических символов (с различным смысловым содержанием), образующих определенную систему (на разных уровнях – общенациональном, региональном, локальном). Между историческим символом «Империя», выступающим как реликт имперской памяти, как «место памяти», «образ-воспоминание», и концептом «империя» в исторической науке, производящей деконструкцию образов имперского прошлого, нет пропасти. В многослойной памяти наличествуют разные составляющие – эмоциональная, прагматическая (политико-идеологическая), когнитивная. Разные стратегии построения памяти империй можно дифференцировать по линии «внутренняя империя – внешняя империя» (в терминах Я. Асманна). Политика памяти «внутренних империй» направлена на то, чтобы объединить свое разнородное население вокруг какой-нибудь скрепляющей идеи (например, идеи верности династии или монарху). Для «внешней» империи характерна другая стратегия построения памяти – назовем ее *стратегией цивилизационного разделения*. Эти стратегии мне и пришлось рассматривать, анализируя исторические тексты специального, обобщающего и учебного характера, на примере британской имперской и пост-имперской историографии, с учетом того, что Британская империя XVIII–XX вв. – это, по сути, мета-империя, в которой соединяются в разной конфигурации и в режиме долгого времени две империи – «внутренняя» и «внешняя» («домашняя» и «заморская»), что позволяет делать на данном материале наблюдения, имеющие более широкое применение. Впрочем, обширные комплексы текстов, в которых нашли отражение конструирование имперской идентичности, «политика памяти», а впоследствии ее пост-имперская деконструкция, требуют, несомненно, детального анализа.

Взаимодействие культур во времени («по вертикали») и в пространстве («по горизонтали») выступает ныне как приоритетный предмет исторического исследования. Диалог культур имеет множество граней и аспектов. Это не только проблема взаимодействия различных культур (или их представителей) в историческом времени, но также – не

²¹ См.: Клейтман А.Л., Клейтман А.Ю. 2013. Подробно об этом в контексте регионального социологического исследования см.: Горин 2010.

в последнюю очередь – проблема понимания и восприятия чужой культуры в контексте самого процесса познания прошлого, который выступает как взаимодействие историка (и современной ему культуры, составной частью которой является историческая наука) с остатками иной культуры – историческими памятниками-текстами. Речь идет об отношении современной исторической науки к прошлому как одной культуры к другой, о «понимании каждой культуры (античной, средневековой, нового времени, восточной) как Собеседника, как одного из участников диалога»²². Как неоднократно подчеркивал А.Я. Гуревич, источник не только отвечает на заданные вопросы, но и ставит свои вопросы перед историком, вернее – побуждает его формулировать новые вопросы, а также корректировать собственные теоретические предпосылки, методы анализа, рабочие гипотезы и концептуальный аппарат²³. В этом плане метафора *территория историка* оказалась на редкость плодотворной. Действительно, в эпистемологическом аспекте понятие *территория историка* приобретает новый смысл: «Взаимодействие сигналов, сообщений, идущих из прошлого, с вопросами и моделями, которые посылает в прошлое исследовательская мысль современного историка для того, чтобы получить необходимые ей ответы, – оба эти уровня совмещаются на специфической “территории историка”²⁴. Метафорически говоря, встреча сознания исследователя с фрагментами сознания людей, от которых до нас дошли оставленные ими тексты, и людей, для которых они были в свое время созданы происходит в особом «времени-пространстве», длительном пространственно-временном континууме исторического исследования.

Сегодня теория и практика познания прошлого должны в поиске решения концептуальных проблем выйти за пределы «территории историка» в интердисциплинарное пространство взаимодействия различных профессиональных культур – социальных и гуманитарных наук, и даже шире – в целостной системе научного знания. Интегративная функция истории в этом взаимодействии в системе наук становится все более очевидной. И в этой связи привлекает внимание оригинальная спатальная метафора Мишеля Фуко, который так описывает общее пространство наук о человеке: «...все гуманитарные науки взаимопересекаются и всегда могут взаимоинтерпретироваться, так что их границы стираются, число смежных и промежуточных дисциплин бесконечно увеличивается, и в конце концов растворен оказывается их собственный объект...»²⁵. Фуко отводит истории особое место в пространстве знания

²² Библер 1989. С. 28.

²³ Гуревич 1996. С. 103.

²⁴ Там же. С. 107.

²⁵ Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. СПб., 1994. С. 376–377.

– история, в определении Фуко, «не среди гуманитарных наук и даже не рядом с ними». Она вступает с ними в «необычные, неопределенные, неизбежные отношения, более глубокие, нежели отношения соседства в некоем общем пространстве... Поскольку исторический человек – это человек, который живет, трудится и говорит, постольку всякое содержание истории отправляется от психологии, социологии, наук о языке. И наоборот, поскольку человеческое существо становится насковзь историческим, никакое анализируемое гуманитарными науками содержание не может оставаться замкнутым в себе, избегая движение Истории... Таким образом, История образует “среду” гуманитарных наук»²⁶.

REFERENCES

- Библер В.С. Диалог. Сознание. Культура. (Идея культуры в работах М.М. Бахтина) // Одиссей. Человек в истории. – 1989. М.: Наука, 1989. С. 21-59.
- Горин И.Н. Социологический анализ механизмов формирования культурно-исторических символов региона. Курган, 2010. 179 с.
- Гуревич А.Я. «Территория историка» // Одиссей. Человек в истории. – 1996. М.: Coda, 1996. С. 81-109.
- Джонсон К., Коулман А. Внутренний Другой: Диалектические взаимосвязи между конструированием региональных и национальных идентичностей // Культурная и гуманитарная география. 2012. Т. 1. № 2. С. 107-125.
- Ионов И.Н. Идея “цивилизации” в Европе XIX века в контексте связанной и перекрестной истории // Диалог со временем. 2012. Вып. 40. С. 27-50.
- Ионов И.Н. Связанная история между двойной связкой и отрицательной обратной связью // Диалог со временем. 2014. Вып. 46. С. 194-218.
- Клейтман А.Л., Клейтман А.Ю. Формирование региональной идентичности в современной России в зеркале учебников по истории регионов // Кто боится учебника истории? / Ред. И.И. Курилла. Волгоград, 2013. С. 62-70.
- Коткин С. О краеведении и его методологии // Методология региональных исторических исследований. Российский и зарубежный опыт. СПб., 2000. С. 16-20.
- Лубский А.В. Методология региональных социально-гуманитарных исследований: Ростов н/Д: Изд-во ЮФУ, 2009. 265 с.
- Мегилл А. Границы как историческая и теоретическая проблема // Теории и методы исторической науки: шаг в XXI век / Отв. ред. Л.П. Репина. М., 2008. С. 212-214.
- Мегилл, Аллан. Границы и национальное государство: предварительные заметки // Диалог со временем. Вып. 30. 2010. С. 42-58.
- Миллер А.И. Империя Романовых и национализм: Эссе по методологии исторического исследования. М.: Новое литературное обозрение, 2006. 248 с.
- Ревель, Жак. Микроисторический анализ и конструирование социального // Одиссей. Человек в истории. –1996. М.: Coda, 1996. С. 110-127.
- Репина Л.П. Преодолевая границы государств и цивилизаций: макроисторические опыты современной историографии // Реконструкции мировой и региональной истории: от универсализма к моделям межкультурного диалога / Под общ. ред. Л.П. Репиной. М.: «Аквилон», 2017а. С. 7-71.
- Репина Л.П. Стратегии построения национального нарратива в имперском и постимперском пространстве: опыт Великобритании // Актуальные проблемы истории Великобритании XVII–XX вв. Рязань: Изд-во «Концепция», 2017б. С. 149-158.
- Рыженко В.Г. Историческая наука, регионоведение, культурология: возможности кооперации вокруг проблемы «присвоения прошлого» // Историческая наука сегодня: проблемы, методы, перспективы / Под ред. Л. П. Репиной. М.: ЛКИ, 2011. Р. 338-342.

²⁶ Там же. С. 385–389.

- Сень Д.В. «Черноморья» versus «Кубань»: некоторые аспекты дискурса империй и теоретические проблемы изучения истории Северо-Западного Кавказа конца XVIII – начала XIX в. // Итоги фольклорно-этнографических исследований этнических культур Северного Кавказа за 2005 год. Краснодар, 2006. С. 379-395.
- Шнирельман В.А. Идентичность, культура и история: провинциальный ракурс // История края как поле конструирования региональной идентичности / Ред. И.И. Курилла. Волгоград, 2008. С. 4-28.
- Colley, Linda. What's Imperial History Now? // What is History Now? / Ed. by D. Cannadine. Houndmills; Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2004. P/ 132-147.
- Hopkins A.G. Back to the Future: From National History to Imperial History // Past & Present. 1999. No. 164. P. 198-243.
- Hurd, Madeleine. Borderland Identities: Territory and Belonging in North, Central and East Europe. Eslöv: Gondolin, 2006. 507 p.
- Megill A. The Needed Centrality of Regional History // Ideas in History. 2009. Vol. IV. No. 2. P. 11-37.
- The New Imperial Histories Reader / Ed. by S. Howe. L.: Routledge, 2009. 470 p.
- Osterhammel J., Peterson N.P. Globalization. A Short History. Princeton: P.U.P., 2005 182 p.
- Pollard S. Marginal Europe: The Contribution of Marginal Lands since the Middle Ages. Oxford: Clarendon Press, 1997. 327 p.
- Issues of Regional Identity. In Honour of J. Marshall / Ed. by E. Royle. Manchester: Manchester University Press, 1999. 252 p.
- Smith D., Wistrich E. Collective Identities in a Changing World // Regional Identity and Diversity in Europe. L.; N.Y., 2007. P. 6-21.

REFERENCES

- Bibler V.S. Dialog. Soznanie. Kul'tura. (Ideya kul'tury v rabotah M.M. Bahtina) // Odissej. CHelovek v istorii. – 1989. M.: Nauka, 1989. S. 21-59.
- Gorin I.N. Sociologicheskij analiz mekhanizmov formirovaniya kul'turno-istoricheskikh simvolov regiona. Kurgan, 2010. 179 s.
- Gurevich A.YA. «Territoriya istorika» // Odissej. CHelovek v istorii. – 1996. M.: Coda, 1996. S. 81-109.
- Dzhonson K., Koulman A. Vnutrennij Drugoj: Dialekticheskie vzaimosvyazi mezhdru konstruirovaniem regional'nyh i nacional'nyh identichnostej // Kul'turnaya i gumanitarnaya geografiya. 2012. T. 1. № 2. S. 107-125.
- Ionov I.N. Ideya “civilizacii” v Evrope XIX veka v kontekste svyazannoj i pere-krestnoj istorii // Dialog so vremenem. 2012. Vyp. 40. S. 27-50.
- Ionov I.N. Svyazannaya istoriya mezhdru dvojnjoj svyazkoj i otricatel'noj obratnoj svyaz'yu // Dialog so vremenem. 2014. Vyp. 46. S. 194-218.
- Klejtmán A.L., Klejtmán A.YU. Formirovanie regional'noj identichnosti v sovremennoj Rossii v zerkale uchebnikov po istorii regionov // Kto boitsya uchebnika istorii? / Red. I.I. Kurilla. Volgograd, 2013. S. 62-70.
- Kotkin S. O kraevedenii i ego metodologii // Metodologiya regional'nyh istoricheskikh issledovanij. Rossijskij i zarubezhnyj opyt. SPb., 2000. S. 16-20.
- Lubskij A.V. Metodologiya regional'nyh social'no-gumanitarnyh issledovanij: Rostov n/D: Izdvo YUFU, 2009. 265 s.
- Megill A. Granicy kak istoricheskaya i teoreticheskaya problema // Teorii i metody istoricheskogo nauki: shag v XXI vek / Otv. red. L.P. Repina. M., 2008. S. 212-214.
- Megill, Allan. Granicy i nacional'noe gosudarstvo: predvaritel'nye zametki // Dialog so vremenem. Vyp. 30. 2010. S. 42-58.
- Miller A.I. Imperiya Romanovyh i nacionalizm: Esse po metodologii istoricheskogo issledovaniya. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2006. 248 s.
- Revel', ZHak. Mikroistoricheskij analiz i konstruirovanie social'nogo // Odissej. CHelovek v istorii. –1996. M.: Coda, 1996. S. 110-127.

- Repina L.P. Preodolevaya granicy gosudarstv i civilizacij: makroistoricheskie opyty sovremennoj istoriografii // Rekonstrukcii mirovoj i regional'noj istorii: ot universalizma k modeljam mezhkul'turnogo dialoga / Pod obshch. red. L.P. Repinoj. M.: «Akvilon», 2017a. С. 7-71.
- Repina L.P. Strategii postroeniya nacional'nogo narrativa v imperskom i post-imperskom prostanstve: opyt Velikobritanii // Aktual'nye problemy istorii Velikobritanii XVII–XX vv. Ryazan': Izd-vo «Konceptiya», 2017b. S. 149-158.
- Ryzhenko V.G. Istoricheskaya nauka, regionovedenie, kul'turologiya: vozmozhnosti kooperacii vokrug problemy «prisvoeniya proshlogo» // Istoricheskaya nauka se-godnya: problemy, metody, perspektivy / Pod red. L. P. Repinoj. M.: LKI, 2011. R. 338-342.
- Sen' D.V. «Chernomoriya» versus «Kuban»: nekotorye aspekty diskursa imperij i teoreticheskie problemy izucheniya istorii Severo-Zapadnogo Kavkaza konca XVIII – nachala XIX v. // Itogi fol'klorno-etnograficheskikh issledovanij etnicheskikh kul'tur Severnogo Kavkaza za 2005 god. Krasnodar, 2006. S. 379-395.
- SHnirel'man V.A. Identichnost', kul'tura i istoriya: provincial'nyj rakurs // Istoriya kraja kak pole konstruirovaniya regional'noj identichnosti / Red. I.I. Kurilla. Volgograd, 2008. S. 4-28.
- Colley, Linda. What's Imperial History Now? // What is History Now? / Ed. by D. Cannadine. Houndmills; Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2004. P/ 132-147.
- Hopkins A.G. Back to the Future: From National History to Imperial History // Past & Present. 1999. No. 164. P. 198-243.
- Hurd, Madeleine. Borderland Identities: Territory and Belonging in North, Central and East Europe. Eslöv: Gondolin, 2006. 507 p.
- Megill A. The Needed Centrality of Regional History // Ideas in History. 2009. Vol. IV. No. 2. P. 11-37.
- The New Imperial Histories Reader / Ed. by S. Howe. L.: Routledge, 2009. 470 p.
- Osterhammel J., Petersson N.P. Globalization. A Short History. Princeton: P.U.P., 2005 182 p.
- Pollard S. Marginal Europe: The Contribution of Marginal Lands since the Middle Ages. Oxford: Clarendon Press, 1997. 327 p.
- Issues of Regional Identity. In Honour of J. Marshall / Ed. by E. Royle. Manchester: Manchester University Press, 1999. 252 p.
- Smith D., Wistrich E. Collective Identities in a Changing World // Regional Identity and Diversity in Europe. L.; N.Y., 2007. P. 6-21.

Lorina Repina, Associate Member of the Russian Academy of Sciences, Dr. Sc. (History), Professor, Chief Researcher, Institute of World History, RAS; lorinarepina@yandex.ru

History of the regions, or “Historian’s territory” after Spatial turn

Spatial turn of the late XX – early XXI c. in history and other humanities has significantly influenced the updating of research problems and approaches aimed at a diverse understanding of spatial structures in societies of the past and the present. More and more confidently, the world is perceived as a space of interaction in the great time of History. The consequences of the spatial turn were discussed during the International Scientific Conference “Spaces of histories and the history of spaces: metamorphoses of perception, appropriation, creation”, which took place at the Institute of International Relations and World History of Lobachevsky’s Nizhny Novgorod State University in November 2018. The topic has become central to this issue of our Journal. The detailed texts of the reports delivered at the conference formed the basis of several sections. This article raises the issue of subject fields and methodological difficulties of different versions of global, regional and local history, and discusses the role of some spatial metaphors in historical knowledge.

Keywords: spatial turn, space of interaction, global history, regional history, space of microhistory, “historian’s territory”

Lorina Repina, Associate Member of the Russian Academy of Sciences, Dr. Sc. (History), Professor, Chief Researcher, Institute of World History, RAS; lorinarepina@yandex.ru